

Лань Цичжи медленно опустил даосского наставника Яньлина на землю, усадил его, привёл в порядок свою одежду, снова превратившись в безупречного представителя клана Лань, и сказал:

— Господин Сюэ, вы мастерски сыграли: сначала заставили нас сражаться друг с другом в глубине пещеры, а потом ждали у входа, чтобы поймать тех, кто выберется.

Сюэ Чи ответил:

— Да, я не ожидал, что вы все подниметесь без потерь. Похоже, сегодня будет непросто. Эх, видимо, мои навыки всё же недостаточно совершенны.

Сюэ Чи посмотрел на сидящего на земле даосского наставника Яньлина. Он был спокоен, что не соответствовало его ожиданиям.

Бай Цюсянь в ярости закричала:

— Чем мой учитель вам насолил? Почему вы с ним так поступили?

Сюэ Чи оглядел Бай Цюсянь с ног до головы и усмехнулся:

— Так ты его ученица, та самая «госпожа Бай» Бай Цюсянь? Выглядишь мило.

Лань Цичжи заслонил Бай Цюсянь собой и спросил:

— Господин Сюэ, чего вы добиваетесь?

Сюэ Чи, продолжая улыбаться, ответил легкомысленным тоном:

— Ничего особенного. Даосский наставник помог жителям горы Цишань подавить зверя Сюань, и мы, народ Цишаня, очень благодарны ему. Как мы могли бы навредить ему? Я просто увидел, что после подавления зверя Сюань он был весь в ранах и истощил свою духовную энергию, поэтому решил помочь. Я привёз его на гору Цишань и провёл небольшую операцию. Как видите, его боевые способности значительно возросли. Правда, он стал немного непослушным.

Он посмотрел на всех присутствующих, перечисляя:

— Клан Гусу Лань, клан Юньмэн Цзян, даже клан Юй из Мэйшаня пожаловал. Я вас всех запомню. Вам бы лучше сидеть в Гусу и учиться, зачем вы полезли на гору Цишань и вмешиваетесь в чужие дела? Гора Цишань — не место, куда можно просто прийти и уйти.

Сюэ Чи уставился в глаза даосского наставника Яньлина, щёлкнул пальцами и холодно сказал:

— Даосский наставник, вставай, пора работать.

Даосский наставник Яньлин тут же пришёл в ярость, его волосы встали дыбом, и он зарычал, как зверь. Сюэ Чи был доволен и громко рассмеялся.

Вэнь Жохань холодно произнёс:

— Убить всех.

Даосский наставник Яньлин поднял меч и бросился вперёд. Лань Цичжи и остальные обнажили мечи, но даосский наставник неожиданно развернулся и напал на Вэнь Жоханя. Тот, изменившись в лице, быстро уклонился от удара, а ученики клана Вэнь бросились на даосского наставника.

Лань Цичжи и остальные были шокированы. Они думали, что даосский наставник действительно послушается Вэнь Жоханя и начнёт убивать их, но он вдруг перешёл на их сторону.

Даосский наставник Яньлин яростно рубил мечом в окружении учеников клана Вэнь, одновременно оглядываясь и рыча на них, словно говоря: «Бегите! Бегите!»

Бай Цюсянь и Чи Хуэй поняли его, но они только что встретились с ним. Как могли они бросить его и спастись бегством? Они хотели броситься на помощь, но даосский наставник Яньлин продолжал отгонять их. Он уже получил несколько ударов мечом, кровь хлестала из ран, а ученики клана Вэнь падали один за другим. Лань Цичжи удержал Бай Цюсянь, а Цзян Фэнмянь и Вэй Чанцзэ схватили Чи Хуэй, и вся группа в панике бросилась бежать.

По какой-то причине клан Вэнь не стал их преследовать. Чи Хуэй, которую тащили за руки Цзян Фэнмянь и Вэй Чанцзэ, казалось, потеряла душу. Она неподвижно смотрела на своего старшего брата, который становился всё дальше и дальше. В её затуманенном взгляде даосский наставник Яньлин уже падал на землю, а мечи учеников клана Вэнь продолжали вонзаться в его тело. Он всё ещё смотрел на неё, протягивая руку, и, казалось, губами произносил её имя: «Хуэй, Хуэй».

Поместье семьи Бай.

Господин Бай смотрел, как его дочь вернулась домой с группой незнакомцев. Он не знал их, но по одежде Лань Цичжи предположил, что это известный представитель клана Гусу Лань. Остальные были с мечами, одеты по-разному, но все выглядели внушительно. Возможно, это были друзья дочери из мира культивации. Бай Цюсянь кратко рассказала отцу о событиях, связанных с её учителем, даосским наставником Яньлином. Господин Бай вытер слёзы, не задавая лишних вопросов, кивнул и вышел. Вскоре служанки принесли еду, одежду, горячую воду и удалились.

Все, только что спасшиеся от смерти, были измотаны. Поужинав, они искупались, переоделись и легли спать. Бай Цюсянь и Чи Хуэй сидели во дворе, о чём-то разговаривая, а Лань Цичжи бродил неподалёку. Чи Хуэй видела, как Бай Цюсянь случайно сорвала налобную ленту Лань

Цичжи в пещере, и предположила, что он хочет что-то сказать. Она сослалась на усталость и ушла спать.

Лань Цичжи действительно подошёл. Он искупался, переделся в одежду из поместья Бай и пах свежестью.

Он не знал, как начать разговор, колебался, опустив голову, одной рукой держа свою драгоценную налобную ленту, словно напоминая Бай Цюсянь: «Ты сорвала мою налобную ленту, ты знаешь, что это значит? Ты должна дать мне объяснение».

Бай Цюсянь, глядя на его застенчивые манеры, хотела рассмеяться, но не могла. Учитель только что погиб, и у неё не было сил думать об этом. Но она знала, что налобная лента для клана Лань, независимо от пола, имела огромное значение. Она должна была дать ему ответ. Лань Цичжи действительно был прекрасен: красив, умен, добр, из хорошей семьи. Не было причин не любить его, и она действительно любила его. Она видела, что он тоже искренне любил её. Это было потрясающе.

Но если бы это касалось только их двоих, всё было бы просто. Однако за ним стоял клан Гусу Лань, их правила, его дядя. Всё в клане Лань шло вразрез с её натурой. Но как ей сказать это? Сказать, что в клане Лань слишком много правил, которые она не может принять? Сказать, что его дядя её не одобряет?

Она не сказала ни слова, но он уже понял её мысли. Его сердце бешено заколотилось, и он дрожащим голосом сказал:

— Не волнуйся, сколько бы правил ни было в клане Лань, я всегда буду рядом с тобой. Что бы ни случилось, я защищу тебя.

С этими словами он протянул ей руку.

Этих слов было достаточно. Бай Цюсянь увидела искренность в его глазах и медленно протянула ему руку. Он крепко сжал её, не желая отпускать. Вдруг он левой рукой схватил обе её руки, а правой быстро снял свою налобную ленту и начал обматывать её запястья.

Бай Цюсянь на мгновение растерялась, не понимая, что он задумал, но не стала мешать.

Он боялся, что если завяжет слишком слабо, она убежит, а если слишком туго — причинит боль. Его руки дрожали, дыхание сбивалось, мысли путались. Его дрожащие руки и сердце кричали: «Свяжу тебя, и ты будешь моей, ты будешь принадлежать только мне, всё моё сердце и душа принадлежат тебе». Наконец, он завязал ленту, сделав несколько узлов.

Бай Цюсянь впервые испытала такие чувства. Она позволила ему обмотать свои запястья, ощущая странную смесь дискомфорта и желания большего. Лань Цичжи, как и она, держал её руки, хотел обнять её, обняв, хотел поцеловать. Он поднял её руки, обмотанные лентой, обнял

её за шею, прижал её спину к себе, чтобы их бешено бьющиеся сердца слились воедино. Он глубоко вдохнул её запах, поцеловал её ухо, почувствовав её вкус. Их чувства, словно вулкан, взорвались, будто они искали это долгое время и теперь жаждали обладать всем.

На следующий день Лань Цичжи отправился с несколькими людьми обратно в Юньшэнь. Он снова надел форму клана Лань, на его налобной ленте остались складки, и он время от времени поворачивался, чтобы поправить её.

Чи Хуэй осталась. В конце концов, даосский наставник Яньлин был их старшим братом и учителем, и им нужно было обсудить их дальнейший путь. Кроме того, тело даосского наставника ещё не было возвращено, и они не знали, как поступит клан Вэнь.

Бай Цюсянь проводила их до ворот поместья. Цзян Фэнмянь посмотрел на Чи Хуэй:

— Госпожа Чи, вы вернётесь в Юньшэнь через несколько дней?

Юй Цзыюань усмехнулась:

— Зачем возвращаться? Чтобы снова переписывать правила?

Чи Хуэй улыбнулась:

— Вернусь, даже если придётся переписывать.

Цзян Фэнмянь наконец успокоился.

Лань Цичжи смотрел на Бай Цюсянь, на следы от ленты на её запястьях. Ему было немного больно, но и сладко. Больно, что она страдала, но сладко, что на ней остались его следы.

Только они вернулись к воротам Юньшэнь, как издали увидели Лань Цижэня, стоящего у входа. Увидев Лань Цичжи, он поспешил навстречу:

— Дядя очень зол, вернись и поговори с ним.

Лань Цижэнь хотел отправиться на гору Цишань, чтобы найти Лань Цичжи, как только дядя вернётся, но Лань Суннянь, вернувшись, устроил ему выговор, так что он не смог уйти.

Лань Цичжи кивнул. Лань Цижэнь оглядел всех, и его лицо изменилось:

— А где юная госпожа даос?

Неизвестно, когда Лань Цижэнь дал Чи Хуэй прозвище «юная госпожа даос», ведь она называла его «маленький Цижэнь». Он думал об этом и невольно произнёс это вслух.

Лань Цичжи остановился:

— Юная госпожа даос?

— Госпожа... госпожа Чи, — покраснев, Лань Цижэнь осознал, что сказал.

<http://bllate.org/book/15280/1348926>